

М. А. РОМЕНСКАЯ.

**РАЗГОВОРНАЯ И ПРОСТОРЕЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» И ПРИЕМЫ
ЕЕ ОБНОВЛЕНИЯ. 1)**

Роман «Тихий Дон» М. А. Шолохова как подлинно народное произведение литературы воздействует на читателя не только величием идей, лежащих в его основе, правдивым изображением исторических событий, яркими незабываемыми образами, но также искусством языкового выражения его идейно-тематической сущности. Великая эпопея гражданской войны в этом романе нашла свое полное и всестороннее воплощение.

**1. Общая характеристика разговорной и просторечной фразеологии
в романе «Тихий Дон».**

«Тихий Дон» принадлежит к тем произведениям социалистического реализма, в которых ярко проявились богатство, красота и образительная сила русского языка. Источники, питающие шолоховскую речь, различны; одним из них является разговорная и просторечная лексика и фразеология, которые широким потоком вливаются в роман. Фразеологические единицы, обильно представленные в романе, творчески применяются писателем для создания образного и выразительного языка в соответствии с содержанием и идейной целеустремленностью произведения, с художественным вкусом и мастерством писателя.

Исключительное богатство языка романа «Тихий Дон» неоднократно отмечалось как советской, так и зарубежной критикой. Общеизвестны восторженные оценки языка этого произведения, данные А. С. Серафимовичем, А. Н. Толстым и многими другими. Чешский критик Милан Юнгман так определяет особенности языка М. А. Шолохова: «Каждое слово у него (М. А. Шолохова.—М. Р.) звенит и сверкает свежестью, как будто оно только сейчас родилось для того, чтобы автор мог вложить его в уста своих героев». 2)

1) Статья написана по материалам диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Фразеология романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

2) Милан Юнгман. «Литературная газета», Прага, 25 сентября 1954 года, стр. 6. (На чешском языке).

Изучение фразеологических оборотов в литературных произведениях имеет существенное значение, так как оно дает возможность установить не только фразеологические особенности в языке данного писателя, но и вскрыть некоторые основные процессы, происходящие в развитии словарного состава современного русского языка.

По вопросу о составе фразеологии в русской лингвистической литературе долгое время не было единого мнения. Одни исследователи, например, акад. И. И. Срезневский, 1) включали в состав фразеологии меткие удачные выражения различных писателей, пословицы, поговорки. Другие исследователи, например, В. А. Истомин, 2) относили к фразеологическим оборотам народно-разговорную речь, тавтологические обороты типа: видимо-невидимо, полным-полно, черным-черно, чудо-чудное и другие, а также обороты иноязычного происхождения.

Акад. Е. Ф. Карский к фразеологии отнес также и выражения, взятые из стилистических пластов языка.

Современные исследователи состава русской фразеологии Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, А. И. Ефимов, С. И. Абакумов, Р. И. Будагов идут еще дальше в направлении расширения состава русской фразеологии, внося в него самый различный материал, в котором разговорные и просторечные обороты особенно широко представлены.

Разговорная и просторечная лексика, а следовательно, и фразеология, столь характерные для романа Шолохова «Тихий Дон», представляют собою два стилистических пласта нашей речи. Поэтому «отличительными их чертами являются, с одной стороны, яркая выразительность и эмоциональная окрашенность, с другой—простота и непринужденность в употреблении слов, значение которых представляется грубоватым, а также более тесная связь (в особенности просторечия) с областными говорами». 3)

Несмотря на близость, существующую между этими двумя стилистическими пластами, все же можно найти в них и черты различия.

Просторечная лексика и фразеология отличаются обычно большей степенью эмоциональности, грубости, непринужденности, которые заключены в том или ином выражении. В просторечной фразеологии гораздо больше отступлений от принятой нормы общения.

Просторечная лексика «стоит на границе литературного языка,

1) И. И. Срезневский. «Чтение о языке И. А. Крылова». Сборник отд. русского языка и словесности, СПб, 1869, том VI, стр. 67.

2) В. А. Истомин. «Главнейшие особенности языка произведений В. А. Жуковского». Русский филологический вестник, СПб, 1893, № 3.

3) «Инструкция для составления «Словаря современного русского языка». Издание АН СССР, Институт языкознания, 1953, глава IV, параграф 25, стр. 41.

она гораздо теснее связана с областными говорами, чем разговорная». 1)

Изучение стилистической характеристики слов показывает, что многие разговорные и просторечные фразеологизмы представляют собою дублиеты или синонимы к словам нейтральным и книжным. Для иллюстрации отличительных особенностей просторечной и разговорной фразеологии можно привести следующие примеры из «Тихого Дона»:

Разговорная фразеология:

«Когда за горло берут, — будешь рад любой помощи!». (IV, 85). 2)
«Лунерья из кожи лезла, чтобы лучше приготовить обед» (III, 51).
«— Пропадешь ты, Проша, как пить дать». (IV, 137).
«Гармонист заиграл польку. Бабы пошли по рукам». (III, 123).
«Нам необходимо ребром поставить вопрос: с кем и за кого мы? Давайте же поговорим по-товарищески. не кривя душой». (II, 93).

Просторечная фразеология:

«Еще раз придет — буду гнать в шею». (III, 144).
«Будет из нас дурачка валять». (II, 126).
«Сам себя за шворот взял бы и повел на этот растреклятый пароход». (IV, 257).
«Вот как у нас офицерские жены ходят! Еще городским нос утрут!» (II, 247).
«Я из тебя дурь выбью!». (IV, 383).

Просторечная лексика и фразеология отличаются от диалектной тем, что последняя встречается лишь в областных говорах, тогда как первые являются достоянием всего народа.

Область применения просторечной и разговорной фразеологии велика: она встречается как в художественных произведениях, так и в публицистических, являясь весьма распространенным и испытанным выразительным средством, к которому прибегают очень многие писатели для воплощения своего художественного замысла.

Еще А. С. Пушкин подчеркивал разницу между языком разговорным и письменным. «Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка» 3), — заявлял поэт. Речь идет о непрерывном обогащении литературного языка из сокровищницы народного слова, о плодотворном взаимодействии, о синтезе. А. С. Пушкин говорил, что «разговорный язык никогда не может быть подобен языку письменному». Он утверждал, что письменный язык «оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но он не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков». 4)

Это положение А. С. Пушкина не утратило своей значимости и остается в силе до наших дней.

1) «Инструкция для составления «Словаря современного русского языка», 1953, глава IV, параграф 28, стр. 42.

2) Первая цифра в скобках означает том романа, вторая цифра — страницу. Цитаты даются по изданию: Мих. Шолохов, «Тихий Дон». Роман в четырех книгах. Издание исправленное, Гослитиздат, М., 1953.

3) А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Издание АН СССР, 1937—1947, М., том XII, страница 96. В дальнейшем цитируется это издание.

4) Там же, стр. 96.

Сопоставление лексики и фразеологии различных писателей показывает, что степень привлечения разговорной и просторечной фразеологии в художественные произведения в разное время была не одинаковой и самый вопрос об использовании просторечных слов и выражений в литературном языке был одним из спорных вопросов для критиков и писателей того времени. А. С. Пушкин постоянно сражался с писателями и критиками, которые пресекали просторечию доступ в литературно-книжный язык, ломал преграды, которые они устанавливали: «Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его)», — провозглашал Пушкин. 1)

В соответствии с этим А. С. Пушкин постоянно подчеркивал необходимость обращаться к языку народному. «Вслушайтесь в простонародное наречие, молодые писатели. — вы в нем можете поучиться многому, чего не найдете в наших журналах». 2)

Народность литературного языка — этот завет А. С. Пушкина и В. Г. Белинского — восприняли все классики, а также выдающиеся писатели советской эпохи: А. М. Горький, В. В. Маяковский, М. А. Шолохов и другие.

Характеризуя разговорную народную речь, член-корреспондент АН СССР Е. С. Истрина отмечает, что рядом с книжно-литературным языком постоянно выступает живой разговорный язык, который, «сохраняя общую литературную норму, отличается все же меньшей отделкой, меньшей стройностью своей системы. Разговорный язык обслуживает небольшие коллективы, причем, обычно более или менее близких между собой людей; он проявляется в основном во взаимной беседе, в диалоге, в вопросах и ответах, в нем значительное место занимает мимика, жесты, интонации». 3)

Акад. В. В. Виноградов подчеркивает, что своеобразной чертой разговорной речи, типичной для нее, резко отличающей ее от книжной речи, «является ее коллективный, драматический характер, активное участие в ней нескольких, по крайней мере, двух человек, непрерывность совместного действия». 4)

Существует ряд фонетических, морфологических и словообразовательных признаков, которые характеризуют просторечие в смысле отклонения его от нормы литературного языка и дают возможность относить те или иные выражения к просторечию. Правда, эти признаки не являются исчерпывающими, но все же они помогают определять просторечные выражения.

1) А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, том XIV, стр. 128.

2) Там же, том XI, стр. 71.

3) Е. С. Истрина. «Нормы русского литературного языка и культура речи». Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 13.

4) Акад. В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 78.

Прежде всего просторечной особенностью является употребление родительного, а иногда и предложного падежей имен существительных мужского рода с окончанием на «у» вместо «а»:

«От жару ведь и камень лопается». (IV, 341).

«Старый пан в Морозовской от тифу помер». (III, 341).

Вторую группу составляют просторечные слова и выражения, у которых просторечной формой является глагол, имеющий частицу «ся», которую в ряде случаев отбросить нельзя:

«Красивая баба, в глаза шибается...». (II, 247).

«Они любилась, почти не таясь, вязало их что-то большое». (I, 50).

Третью группу признаков представляют выражения и слова, в которых просторечный характер выявляется в различных суффиксах (уменьшительных, ласкательных, увеличительных и других):

«Он также казачьей кровушки попил». (II, 307).

«На дорогу у нас никаких харчишек нет». (IV, 165).

Из громадного речевого материала, который имеется в общенародном языке, каждый писатель, согласно своему художественному замыслу, своему мировоззрению, своим психологическим особенностям, характеру своего таланта и темперамента, отбирает тот материал, который ему кажется наиболее подходящим для словесного оформления идеи своего произведения.

Все это, несомненно, находит свое отражение в лексике и фразеологии языка. Подобно тому, как художник, задумавший написать картину, не удовлетворяется любыми красками, а берет только такие, которые гармонируют с его художественным замыслом и его мировоззрением, так и писатель останавливает свой выбор на определенных словах и выражениях, включая их в художественную ткань своего произведения.

Фразеология романа «Тихий Дон» очень разнообразна. Здесь имеется литературно-книжная фразеология, народно-поэтическая и иноязычная, но все же в ней исключительно важное место занимает разговорная и просторечная фразеология. Конкретные политические цели, поставленные М. А. Шолоховым как писателем, реалистически изображающим империалистическую войну 1914—1918 гг., Октябрьскую революцию и гражданскую войну на Дону, ожесточенные классовые битвы за установление Советской власти, в которых участвовали широкие народные массы, пробужденные революцией («Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», II, 97), определили отбор соответствующих лексико-фразеологических средств, отличающихся своей доступностью, образностью, меткостью и исключительной политической остротой.

Разговорная и просторечная фразеология в романе «Тихий Дон» встречается не только в речи персонажей, но и в речи самого автора на всем протяжении романа. По поводу преобладания в

художественном произведении, в частности, в авторском языке, той или другой лексики и фразеологии Л. Н. Толстой писал: «У писателя, описывающего известный класс народа, невольно к слову прививаются характерные выражения этого класса». 1)

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон», где действующие лица взяты писателем из народных масс, встречается преимущественно разговорная и просторечная фразеология: это объясняется реалистическим показом действительности и стремлением автора представить жизнь казачества, его быт и нравы в наиболее характерных для него оборотах речи.

2. Фразеологические обороты в языке автора романа «Тихий Дон».

Авторское повествование играет большую роль в полноте художественной индивидуализации. М. А. Шолохов ведет повествование как непосредственный участник всего происходящего, благодаря чему авторская речь сливается с речью персонажей. В других случаях автор пользуется фразеологическими оборотами общелитературного языка, не соотнося его с языком героев.

Фразеологический материал используется в авторской речи по-разному, в зависимости от того, что рисует автор: казачий быт, переживания людей или события, происходящие в то время. Соответственно этому, он вводит или разговорную фразеологию, или просторечную, или диалектизмы, старославянизмы и даже арготизмы, а иногда и фразеологические обороты иноязычного происхождения. Наряду с ними встречаются фразеологические обороты, которые автор черпает из народно-поэтического творчества и фразеологические новообразования. Но все же речь персонажей богаче фразеологическими оборотами, чем авторская речь.

Для раскрытия своего художественного замысла М. А. Шолохов прибегает как в авторском языке, так и в речи персонажей к самым разнообразным фразеологическим оборотам. Сюда входят фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. 2)

Фразеологические сращения представляют собой тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений компонентов:

«Кружил Изварин головы простодушным казакам и малообразованному офицерству». (II, 175).

«Толпа вся хлынула вправо, лишь чеботарь Зиновий, имевший и на Коршунова зуб, остался стоять на месте один». (II, 308).

1) Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Издание АН СССР, том 46, стр. 246.

2) Акад. В. В. Виноградов. «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке». Сборник «Академик А. А. Шахматов», М.—Л., издание АН СССР, 1947, стр. 352.

«На следующий день утром он снова пришел, поздоровался как ни в чем не бывало, сел у окна и провожал глазами каждое движение Дуняшки». (IV, 285).

«Столкнулись на поле смерти ввергнутые в преступную войну люди, еще не успевшие набить руку на уничтожении себе подобных». (I, 266).

«Вечером приходил... и скалозуб Давыдка, бивший три месяца баклуши». (I, 140).

«И казачество, имея на своих правительственных границах пограничные посты, будет, как с равными, не ломая шапок, говорить с Украиной и Великороссией». (II, 175).

«Пантелей Прокофьевич, души не чаявший во внуках, вскочил из-за стола и... радостно закричал». (IV, 60).

«Дамы угощали донского казака дорогими папиросами и сладостями, а он вначале крыл их матом». (I, 266).

«Весь переход шли с песнями, радуясь, что вырвались из «волчьего кладбища». (II, 122).

«Пришлось ему скрепя сердце согласиться». (IV, 289).

«Пантелей Прокофьевич с Ильиничной—в заду брички рядком, ни дать, ни взять—молодые». (I, 61).

«Кто-то нагнулся над ним, всыпал за голенище сапога горсть пшена для того, чтобы не сделалось чего с женихом с дурного глаза». (I, 89—90).

Если в тесной фразеологической группе сохраняются хотя бы слабые остатки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то они относятся к фразеологическим единствам. Наиболее яркими отличительными признаками фразеологических единств, отличающих их от фразеологического сращения, являются: 1) их способность делиться на отдельные компоненты без потери значения и 2) то, что в них имеется яркая мотивировка общего значения:

«Бунчук знал, что какими-то иными словами надо говорить с казаками, он со страхом чувствовал, что, пожалуй, не найдет общего языка». (II, 140).

«За все время пребывания в Быховской тюрьме они беспрепятственно сносились с внешним миром, заматали следы мятежа». (II, 159).

«Он снова стал сквозь пальцы смотреть на грабежи, учиненные его соратниками». (IV, 421).

Очень многие фразеологические обороты имеют экспрессивную окраску:

«Просто решил (Петро.—М. Р.) избить Дарью, но так, чтобы на всю жизнь отбило у бабы охоту хвост трепать». (II, 55).

«Рубил... рубил безжалостно... и не только рубил, но и «красного кочета» пускал под крыши куреней в брошенных повстанцами хуторах». (III, 378).

В авторской речи романа «Тихий Дон» мы находим также и фразеологические сочетания, т. е. несвободные, замкнутые ряды сочетаний слов, в которых имеется стержневое слово и зависящие от него переменные части, которые равноправны, но могут допустить синонимические замены.

«Со стариками Михаил кое-как договорился, но зато дома, и опять-таки из-за соли, вышел у него с Дуняшкой крупный разговор». (IV, 312).

«Мы—люди темные. Ты нам простыми словами жарь!» (III, 98).

«В горнице мертвая стояла тишина». (IV, 51).

«Он на ходу очень ловко раскланялся и послал им воздушный поцелуй». (I, 281).

Автор прибегает в своей речи также и к фразеологическим диалектизмам с целью более выпукло передать описываемую обстановку, события или явления, обычаи или традиции, придать местный колорит.

Семантический анализ всех фразеологических оборотов в авторской речи показывает, что в каждом из них чувствуется отношение автора к событиям и явлениям того времени, т. е. империалистической и гражданской войны, которые автор наблюдает в окружающей жизни.

Мы можем проследить отношение автора ко всем членам семьи Мелеховых, к коммунистам, героически отстаивающим Советскую власть, к казакам, обманутым белыми генералами, и, наконец, к тем людям, которые не пристали ни к какому берегу во время гражданской войны. Ни одно из явлений окружающего мира не ускользает от зоркого взгляда писателя, а запечатлевается им с помощью фразеологических оборотов. 1)

3. Фразеологические обороты в речи персонажей в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Фразеология в устах персонажей романа «Тихий Дон» поражает нас еще большим богатством художественно-образительных средств, чем в авторской речи. Фразеологические обороты включаются в речь персонажей в тех случаях, когда автор касается какого-либо особенно значительного и острого момента в жизни действующих лиц. М. А. Шолохов мобилизует весь громаднейший речевой материал, добытый им путем личных бесед с казаками, с людьми разных характеров и разной личной судьбы, а также из документов той эпохи. Все наиболее важное, существенное, убедительное автор отбирает и переплавляет в своем творческом воображении.

Надо отметить, что сами по себе фразеологические обороты

1) Аналогичный анализ может быть сделан и в отношении фразеологических оборотов в речи персонажей романа, но объем статьи не дает возможности это сделать; данный анализ имеется в диссертации.

являются лишь строительным материалом. Ввиду этого одни и те же фразеологические обороты могут быть использованы по-разному и попасть в различные тематические разряды. Писатель создает для них такое словесное окружение, что они полностью соответствуют его глубокому художественному замыслу, т. е. отражают думы и чувства, радости и страдания героев, зовут на борьбу за идеи, провозглашенные Октябрьской революцией, и вместе с тем показывают врагов революции, этих «вершителей судеб» разваливавшейся белой армии, потерпевшей поражение в их бесславной борьбе с русским народом.

Речевая характеристика героев не может быть оторвана от прочих средств создания образа. Отбор типического и отбрасывание всего случайного имеет очень большое значение. Еще В. Г. Белинский говорил, что «нигде так не проявляется своеобразие каждого человека, как в языке».

В. И. Ленин в своем письме к Инессе Арманд чрезвычайно глубоко заметил, что в художественном произведении «весь гвоздь в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психике данных типов». 1) Это требование В. И. Ленина безусловно относится и к индивидуализации языка персонажей «Тихого Дона».

Для удобства выяснения семантико-стилистических функций разговорной и просторечной фразеологии в речи персонажей она группируется в данной статье по определенным тематическим рядам. В первую группу входят фразеологические обороты, применяемые писателем для изображения ожесточенной классовой борьбы на Дону в период 1917—1919 годов. Автор обращается к таким фразеологическим оборотам, которые служат мощным средством для раскрытия самых актуальных вопросов времен гражданской войны:

«Обидно, что не придется поглядеть, как распотрошат ваши капиталы... Все же, знаете, приятно будет видеть, как все пойдет прахом». (II, 66).

«Они (белые генералы. — М. Р.) все старым аршином меряют, а аршин того и гляди сломается». (IV, 75).

«Два года льется кровь рабочих и крестьян всех наций». (II, 13).

«Не наведут нам решку красные товарищи?». (IV, 259).

«Перевелись на белом свете дураки! Генеральскую власть на ноги ставить не хотим». (II, 130—131).

«Я офицерам—не товарищ! Мы вашего брата к стенке ставим. Я, грешник, тоже не одного на мушку посадил». (III, 116). («Ставим к стенке»—новоразговорный оборот, «на мушку посадил»—специальное военное выражение).

«Он (В. И. Ленин.—М. Р.) еще не одному царю перекрут сделает». (II, 143).

«Ты еще, братишка, мелко плаваешь в этих делах. Мне нельзя трусить». (III, 234).

«Мы слушать слушаем, а веры им дюже не даем. Чужой народ. Может, они нас под монастырь надворничать ведут, —кто их знает?». (II, 138).

«Короткий у нас суд? —Ничего не попишешь. Так надо». (IV, 375).

«Потрясая плетью, Фомин заорал: «Зараза большевистская! Я из тебя дурь выбью». (IV, 383).

Красочные фразеологические обороты служат автору не только для изображения гражданской войны, но и для показа гнета и эксплуатации, существовавших при царском режиме, а также пробуждения классового сознания в результате войны и политической пропаганды, проводимой большевиками:

«Вон возьми тестя: всю жизнь хрип гнул, наживал, жилы из себя и других вытягивал, а что осталось?—Одни голые пеньки на базу!». (IV, 60).

«Он говорил о том, что в прежнее время тяжело было служить. Казачьи офицеры были на задворках, держались в черном теле, движение по службе было слабым». (II, 97).

«Человек — в отчаянности, зажег бы, как пить дать». (I, 127).

«Так, живем, чем бог пошлет. Живем ни шатко, ни валко». (II, 101).

«Ильинична сказала со вздохом: их, хворостин-то, на базу днем с огнем не сыщешь... По базу хоть шаром покати». (IV, 58).

«Что это за проклятая жизнь! Нет никакого покоя, хоть криком кричи». (IV, 335).

«А куда придешь?.. Курень сожгли, мать сама под чужим плетнем христа-ради будет жить». (IV, 137).

Из всех приведенных фразеологических оборотов следует, что революция осмысливается М. А. Шолоховым как грандиозная ломка, затронувшая все стороны жизни человека, как важнейшее испытание для каждого человека. Уходящее в прошлое, отмирающее и развивающееся в жизни, побеждающее предстоят перед нами во всем величии и драматизме борьбы. Фразеологические обороты показывают, что наша литература широко раздвинула границы изображаемого. Ей доступен не только мир личных чувств и переживаний человека, но и его общественная практика, обогащающая его внутренний мир.

М. А. Шолохов не злоупотребляет разговорной и просторечной фразеологией. Она включается, говоря словами А. М. Горького, для

1) В. И. Ленин. Сочинения, издание 4-е, том 35, стр. 141.

более пластичной, выпуклой характеристики изображаемых лиц, для большего оживления.

Таковы фразеологические обороты, привлекаемые писателем из общепародного языка и служащие для изображения лишений и страданий, причиненных гражданской войной.

Автор останавливается и на такой чрезвычайно важной в данном романе теме, как положение женщины в казачьей среде в до-революционное время и в период гражданской войны. М. А. Шолохов с большим сочувствием подбирает экспрессивные, яркие и меткие фразеологические обороты, раскрывающие перед читателем тяжелое, подчиненное положение женщины в казачьей среде: ее бесправие, незащитность, побои, которые она терпела от отца и мужа, отсутствие каких-либо интересов, кроме интересов семейных, брак не по любви, а по выбору родителей, невозможность уйти от мужа, если даже он «всю душеньку вымотал», произвол мужа и, наконец, страдания, причиненные женщине-матери войной, на которые указывает эпитафия к первому тому романа «Тихий Дон»:

«...Украшен-то наш тихий Дон вдовами,
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами.
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами».

Ильинична рассказывает о своей горькой доле, о своей безрадостной молодости, о тех обидах, которые терпела она от мужа, не будучи ни в чем виновата перед ним:

«Придет (муж.—М. Р.), бывало, на заре, закричу горькими слезами, попрекну его, ну он и дает кулакам волю». (IV, 139).

«Мне жить вовсе мало осталось, — а горюшка и без того через край хлебнул а». (IV, 271).

«В этот момент Петро не помнил, что собирался бить жену смертным боем, — ласкал ее на людях». (II, 85).

«И этой беды хватит, чтобы белый свет стал немил!» (IV, 136).

«Руки на себя наложу, вот как буду!» (IV, 113).

«Лукерья из кожи лезла, чтобы лучше приготовить обед». (III, 51).

В фразеологических оборотах этой группы М. А. Шолохов как писатель, близко знакомый с народом, с его бытом и языком, показывает глубокие переживания женщины, хотя и угнетенной, но все же не сдающейся перед тяжелой жизнью. «Всех слез не вычерпашь», — говорит Ильинична. (IV, 137).

Во многих случаях фразеология служит автору для изображения внутреннего мира действующих лиц, а также содержит в себе их речевую характеристику.

Большой интерес представляет фразеология, которая привлекается автором для раскрытия мучительных колебаний, переживаемых Григорием Мелеховым, одним из главных действующих лиц

романа. Это человек, который впитал традиции и предрассудки старого строя вообще и казачества в частности, но как представитель народа, чуткий к социальной несправедливости и неравенству, стихийно сознает неправду отживающего строя. Сомнения и колебания, никогда не покидавшие его, особенно красочно выражаются автором «Тихого Дона»:

«Ни к чему не лежала душа. Тягостная неопределенность мучила, мешала жить». (IV, 351).

Ему не хотелось навлекать на себя подозрения, он избегал разговоров о политике:

«Хватит с него этой политики, она и так выходила ему боком». (IV, 352).

Когда настал час расплаты за антинародную деятельность, Григорий, как бывший командир повстанческой дивизии, был вызван в Дончека. Неизгладимый след в его сознании оставило это посещение, о котором он рассказывает своему ординарцу Прохору Зыкову:

«Ничего, обходительные люди. Старший спрашивает: «Чаю не хотите? Только с сахарином». — Какой там, думаю, чай! Хотя бы ноги от вас в целости унести». (IV, 348); «Как-никак я дивизией командовал, сотник по чину. Таких теперь к рукам прибирают». (IV, 348).

К фразеологическим оборотам прибегает автор и при передаче переживаний других действующих лиц, например, матери Григория Мелехова — Ильиничны. М. А. Шолохов с большой чуткостью, сердечностью передает последние часы ее жизни, ее единственное желание увидеть своего «Гришеньку», и хотя она говорила о другом, но «Дуняшка отлично понимала, что это все служит только предлогом поговорить о Григории, отвести душу...» (IV, 281).

Тяжелые переживания Ильиничны усиливались при виде хозяйства, которое развалилось в результате гражданской войны:

«Вот как у нас все поползло! Ничему мы с тобой и толку не дадим. Без хозяина и товар плачет». (IV, 281).

«Она (Ильинична.—М. Р.) и к внучатам какая-то нежеланная стала, и в работе — у нее все из рук валится». (IV, 273).

Речь Ильиничны богата фразеологическими оборотами («дает кулакам волю», «бог не без милости», «страсть господняя» и др.), а также народно-поэтической фразеологией.

М. А. Шолохов является большим мастером в создании «речевых костюмов» героев. Герои романа — это люди самых разнообразных социальных групп. Писатель показал их на фоне больших общественно-исторических событий, причем типизация речи героев основывается на сгущении фразеологических единиц той или иной стилистической группы. Речь героев в романе представлена многообразными, различными по своему происхождению, фразеологиче-

скими единицами, но на фоне этого многообразия выделяется наиболее характерная для каждого персонажа фразеология. Для речи Пантелея Прокофьевича характерна разговорная фразеология с эмоционально-экспрессивными оттенками, иногда и бранными выражениями: «нечистая сила», «чёртова семя», «чума их знает» и т. п. Только изредка в его речи слышны ласковые слова: «Милости просим, дорогие сваточки! Сделайте честь нашему бедному куреню!». (I, 92).

Речь Аксиньи Астаховой отражает ее страстный темперамент, решительность, смелость. В этом отношении показателен разговор ее с Пантелеем Прокофьевичем, который задумал пресечь ее связь с Григорием. Аксинья говорит: «А Гришку твоего захочу—с костями съем и ответ держать не буду!».—«Погоди, дура!—Нечего годить, тебе не родить, ступай, откель пришел». (I, 46).

В разговоре с Григорием Мелеховым всюду проявляется ее безграничная любовь: «Пойду с тобой хоть на край света».

В речи Штокмана и Бунчука преобладают фразеологизмы политического содержания, выражающие их взгляды на народ и его роль в революции. Бунчук является неустрашимым и стойким борцом за Советскую власть:

«Бунчук сжал плечи Дугина, сказал странно спокойным потухшим голосом: «Они нас, или мы их! — На кровь — кровь. Кто — кого?». (II, 151).

Таким же прямым и решительным борцом являлся Подтелков. Он осознал свой путь в жизни и не идет ни на какие компромиссы. Увидев Григория Мелехова за несколько минут до казни, он обращается к нему с упреком:

«И нашим и вашим служишь? Кто больше даст? Эх ты!..» (II, 353).

Подтелков призывает к немедленной организации отпора Каледину:

«Мы все хотим, чтобы и волки были сытые и овцы целые, а Каледин не так думает». (II, 210).

Подтелков сразу же разгадывает контрреволюционные замыслы генерала Каледина.

Бесстрашным борцом за дело революции является и Иван Алексеевич, предчувствовавший неизбежность своего трагического конца.

«Иван Алексеевич с тоской и ненавистью оглядывал окаменевшие в злобе лица казаков-конвоиров и думал: «Наведут нам концы! Если не будет суда — пропадем!». (III, 312).

Большое внимание автор уделяет изображению ординарца Григория — Прохора Зыкова, неизменного его спутника в военных операциях. Речь Прохора пересыпается фразеологическими диалектизмами.

«Тут мне и копыта откинуть придется!». (IV, 220).

«Вот он какие котелки выкидывает, твой Пантелевич». (IV, 278).

Речь персонажей романа «Тихий Дон» настолько индивидуализирована, столько разнообразных оттенков придает ей автор, что сразу можно определить, кому она принадлежит. Нетрудно догадаться, что фраза «казаки-то шатаются, а чума их знает, куда они повернут» принадлежит Пантелею Прокофьевичу.

Переживания других, хотя и второстепенных персонажей, играющих эпизодическую роль в романе, также показываются автором в красочных фразеологизмах.

«Командир разведки... не раз ходивший из старой армии домой в отпуск, знавший на опыте, как горько являться из части голодранцем, снял с своей широкой груди часы и невероятно массивную цепку и сказал: «На! Носи дома! Пущай девкам пыли в глаза, а меня помяни на третьем взводе». (III, 384).

Индивидуализация языка персонажей романа «Тихий Дон» является одной из таких отличительных особенностей его творчества, благодаря которым его герои надолго остаются в нашей памяти и, как живые, стоят перед нами.

Создание языка действующих лиц требует особенно большого труда от писателя. Он только тогда будет ярким и типичным, когда писатель хорошо знает речь различных слоев населения. О тесной связи Шолохова с народом и его языком красноречиво говорит его собственное признание: «Люди все были под рукой, как живые, ходи да распоряжайся,—тут уж от твоего умения все зависит... И материал и природа». 1)

Роман «Тихий Дон» представляет интерес и в том отношении, что он показывает *борьбу двух миров*: старого, отживающего мира и нового, который, не взирая ни на какие препятствия, прокладывает себе дорогу. Значительная часть фразеологических оборотов построена как раз на словарном материале этого старого мира. Автор создает яркие индивидуальные характеры представителей этого мира и воплощает в них при помощи фразеологических оборотов общие черты определенного круга людей.

Н. Ю. Шведова писала: «Из всего многообразия устойчивого языкового богатства своего народа писатель собирает также и то, что, возможно, ушло из современного употребления, но может быть использовано как выразительное средство, понятное носителям данного языка». 2)

К числу таких устаревших слов и выражений относится множе-

1) В. В. Гура. «Жизнь и творчество» М. А. Шолохова». 1954, стр. 25.

2) Н. Ю. Шведова. «Общепринятое и индивидуальное в языке писателя». «Вопросы языкознания», 1952 г., № 2, стр. 107.

ство устойчивых словосочетаний, в которых фигурируют в самых разнообразных вариантах и сочетаниях слова: чёрт, черти, нечистый, лукавый и вообще бранная фразеология. А. М. Горький указывал, что «бранная фразеология является отражением классовой вражды, которая приняла форму презрения, насмешки и иронии». 1)

Академик Л. А. Булаховский называл такую фразеологию «не поэтической».

По происхождению эти выражения являются пережитком той отдаленной эпохи, когда люди еще верили в чёрта и мистически объясняли многие явления жизни, природы и общества. Некоторые из этих выражений, как пережиток прошлого, в силу привычки, сохраняются до сих пор. В. И. Ленин отмечал, что сила привычки миллионов — самая страшная сила. Они показывают настроение людей при неудачах, в состоянии раздражения, негодования, остатки суеверия, но былой смысл в них уже утрачен.

В романе «Тихий Дон» эти выражения употребляются в значении усилительных частиц, в восклицательных предложениях, придавая высказыванию иронический смысл или сатирический оттенок, а также для характеристики определенной среды:

«Эх ты, никудышная! У меня бы он не открутился! Я бы его в такое щемило взяла, что аж всем чертям стало бы тошно!» (IV, 118)

«Ну, теперь, я не так прихоронюсь! Чёрта с два найдут! Нехай хоть три сотни калмыков присылают». (IV, 195).

«Замолчи, проклятая! Сто чертей тебе в душу! Слово не дадут сказать! Да что это такое?» (IV, 58).

«Всем хочется ходить в цветущем саду, но ведь, чёрт их побери! Прежде чем садить цветники и деревца, надо грязь считать!» (II, 286)

В советском обществе, где культура и просвещение становятся доступными каждому гражданину нашей страны, подобные выражения должны выйти из употребления. Выражение «нечистый попугал» теперь уже вызывает улыбку.

Столь же широкое распространение в романе «Тихий Дон» получают обороты церковно-религиозного происхождения, многие из них потеряли свое исконное значение и служат экспрессивным средством для выражения переживаний действующих лиц, их отношения друг к другу, к происходящим событиям, в одних случаях они показывают отсталость персонажей, выводимых М. А. Шолоховым, в других — они не лишены известной иронии.

Со словом «бог» в разговорной речи сохранилось много ходя-

чих выражений, в которых это слово употребляется в качестве вводного слова, наречия, присловия и частицы, иногда с сохранением архаичных форм языка («бог весть» и др.). Устойчивые сочетания этой фразеологической группы свободно переплетаются с разговорно-бытовыми и просторечными выражениями и часто служат материалом для выражения мыслей далеко не церковного порядка: Степан Астахов, побуждаемый ревностью к Григорию Мелехову, признается, что во время империалистической войны он три раза стрелял в Григория, но, как говорит Степан, «бог не привел убить Григория». Этот пример показывает, что фразеологические элементы, выпавшие из церковно-обрядной речи, находят свое самое разнообразное, иногда совсем неожиданное, стилистическое применение:

«Помянем покойницу, царство ей небесное! — твердо проговорил Пантелей Прокофьевич». (IV, 153).

«Дед-то? Все никак его господь не приберет. Живой, а словно умом трошки начал мешаться». (III, 264).

«Сообщаю Вам, что наш Гришка чудок не отдал богу душу, а сейчас, слава богу, находится живой и здоровый». (I, 315).

«Господи, прими раба твоего... с миром...» (III, 384).

Такова фразеология, характерная для представителей старого, отживающего мира и выражающая их тревоги, добрые пожелания и другие чувства.

Тематическую группу составляют и фразеологизмы, при помощи которых автор изображает быт народа, труд, отношение людей друг к другу. Они также занимают значительное место в романе «Тихий Дон»:

«В доме молодая женщина, а ты, хам, меня в гроб вогнать хочешь?» (III, 51).

«Как же мог он... бывший всего навсего в чине урядника, поднять руку на генерала, хотя бы родного сына?». (III, 292).

«Не буду молчать! У самих хлеба осталось — кот наплакал, а ты его, чёрта горбатого, содержишь, кормишь каждый день». (IV, 367).

«К казаку всякая вещь прилипает. Пушай плохо не кладет». (I, 236).

«Нужда за нас поет. Так, за здорово-живешь, в этих краях не дюже кормят (красноармейцев.—М. Р.), дадут кусок хлеба и все». (IV, 166).

«Наташка помирает, а он битый час собирается!» (IV, 143).

Фразеологические обороты преобладают в речи персонажей. Она носит ярко выраженный эмоциональный характер. Автор всегда стремится сохранить речевой колорит эпохи и среды, породившей его. Тематическая роль и общая идейная направленность определяют и соответствующее словесное оформление, прежде всего лекси-

1) А. М. Горький. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1937, стр. 297.

ку и фразеологию, как средство художественного выражения этого типического. Индивидуализация речи персонажей должна рассматриваться как большая заслуга автора.

В романе «Тихий Дон» много фразеологических оборотов широкого народного употребления. Особенно часто употребляются фразеологические обороты со словами: рука, нога, глаза, голова, ум, уши, сердце, язык, душа и т. п. Возможно предположить, что эти обороты речи очень древнего происхождения.

«Кто приложил руку к ее развитию?». (I, 280).

«Наше дело расти, расширить свое влияние, работать не покладая рук над разъяснением истинных причин войны». (II, 20).

«Очертя голову, под свежим впечатлением увиденного и слышанного в округе, он кинулся в спор». (III, 141).

«Сказано тебе: выкинь из головы, стало быть—и все тут». (IV, 137).

«Остались, а сами—себе на уме, оружие хоронят» (III, 135).

«У меня соли нету. Видите? С собой не ношу и из пальца вам ее не высосу». (IV, 311).

Множество фразеологических единиц, внесенных автором в роман «Тихий Дон», свидетельствует о том, какой огромный арсенал фразеологических средств привлекает автор для раскрытия своего художественного замысла.

Русский язык отличается также исключительным богатством фразеологической синонимии. В этом смысле показательны следующие фразеологические обороты, где оба фразеологизма являются синонимическими:

«Ставить к стенке» — вывести в расход.

«Навести ухлай» — пустить на распыл.

«Они об этих делах не дюже печалются. По ним хоть во полюшке травушка не расти». (III, 79).

«Через трое суток сымет, как рукой. Пройдет, как ни в чем не бывало». (I, 328).

Синонимические замены очень часто носят экспрессивный характер. Некоторые из них появились во время гражданской войны, например, выражение «ставить к стенке». Значение его синонимично глаголу «расстрелять». Многие из них являются эвфемизмами и служат для обозначения такого явления, которое назвать в данной обстановке неудобно, а иногда и неприлично.

В романе встречается множество пословиц и поговорок, которые служат синонимами к обычным словам, например: «на тебе свет клином не сошелся» (тебя можно заменить), «тех же щей, да пожиге влей» (то же самое), «куда ни кинь, везде клин» (везде плохо).

В тех случаях, когда автор прибегает к сравнениям, то сравнения в романе часто выражаются фразеологизмами. Подбор сравне-

ний показывает отношение автора к раскрываемому явлению или образу и создает нужную автору эмоциональную окраску.

«Я чувю, что ты слово какое-то, как камень, держишь за пазухой». (I, 352).

«Он купил его в Житомире и хранил, как зеницу ока». (I, 354).

Отличительные черты сравнений, проводимых М. А. Шолоховым, — это идейно-политическая насыщенность, социальная заостренность, простота, естественность и предметность. В большинстве случаев они берутся из живой разговорной речи и даются в форме фразеологических оборотов.

Автор включает в роман «Тихий Дон» и такие фразеологические обороты, которые не значатся в словарях современного русского языка. Большинство этих фразеологических оборотов нужно отнести к фразеологическим сращениям, так как общее значение их не может быть выведено из значений слов, их образующих. Выражения эти следующие: «навести решку» (расстрелять), «пустить на распыл» (в том же значении), «подвести под монастырь», «сделать перекрут» (покончить с чем-нибудь), «откинуть копыта», «сдать в огарки», «нашивать гайку», «развешать губы», «класть с прибором», «политика выходила боком», «пой репку». Некоторые из них относятся к жаргонизмам, т. е. словам условного говора, предназначенным для обособления говорящих на нем от остальной части общества.

В тексте романа эти выражения не представляют трудностей для понимания, но среди них есть такие, которые вызывают вопрос, например: «отправили в штаб Духонина», «а еще тебе нашивали гайку» и другие. Выражение «нашивали гайку», как видно из контекста, означает, что нашивали какие-то знаки отличия шестигранной формы (в белой армии). Выражение «отправить в штаб Духонина», очевидно, появилось во время гражданской войны. Его можно расценивать как своеобразный эвфемизм, чтобы не говорить «расстрелять». Очевидно, здесь проводится аналогия между судьбой одного из персонажей «Тихого Дона» и судьбой начальника штаба царской армии генерала Духонина, убитого матросами в ноябре 1917 года.

Что касается фразеологических диалектизмов, то они тоже занимают некоторое место в романе и указывают на глубокое знание автором народного языка, в частности, донских говоров. Согласно замыслу автора, события, изображаемые в романе «Тихий Дон», происходят в точно обозначенной местности. Местный колорит и создается введением в роман диалектизмов, которые обогащают изобразительные средства и подчеркивают своеобразие обстановки. Автор стремится приблизить читателя к описываемым событиям в такой степени, чтобы он чувствовал себя участником этих событий.

«Покуда солнце росу подбирает, скотинка ничего—кормится, а как станет солнце в дуб, заужит овод, тут-то нападет на скотинку бзык». (II, 79).

«На третьем году и нам солнце в дуб встало». (II, 80).

«Всем им наведут ухлай на дороге в Вешки». (III, 302).

Огромная стилистическая работа над текстом романа «Тихий Дон» дала возможность писателю изъять довольно значительное количество диалектизмов, о чем свидетельствует последнее, исправленное издание романа «Тихий Дон». Но все же и в оставшейся части имеются еще диалектизмы, которые следовало бы сократить.

Фразеологические диалектизмы понятны без объяснения автора.

Если автор не уверен, является ли то или иное слово и выражение принятым в литературе, то он делает оговорку:

«Неделю он (Григорий.—М. Р.) пролежал в Екатеринодаре... медленно поправляясь после болезни, потом, как говорил Прохор, пошел на поправку». (IV, 251).

Семантическая замкнутость фразеологического состава может создаваться такими средствами, как ритмические созвучия, тавтология, которые способствуют образованию фразеологических единиц, например, из огня да в полымя, днем с огнем.

«Она мне не с боку припека, а родная сноха». (IV, 182).

«Казаку, как шпиону, суд короткий: раз, два и в божьи ворота». (III, 203).

«Покурим — все горе забудем». (II, 121).

Богатый и высокоразвитый русский язык располагает неограниченными возможностями для выражения мысли. Обычно мы избегаем тавтологии в речи, таких выражений, как «покрыть покрывалом», «случай случился» и т. д., а если употребляем их, то только в ироническом смысле, желая подчеркнуть бедность и неправильность речи. Но в нашем языке существует и такая тавтология, которая ничего общего с бедностью и неправильностью речи не имеет, наоборот, она указывает на его богатство, самобытность и выразительность. Характерным признаком подобных тавтологических сочетаний является их своеобразная экспрессивность и устойчивость. С точки зрения семантико-стилистической их можно разделить на несколько групп: прежде всего такие тавтологические сочетания, которые образуются простым повторением слов: видимо-невидимо, ночь-полночь, ждать-пождать и другие.

К этой же группе относятся фразеологические обороты, хотя и происходящие от одного корня, но стоящие в различной грамматической форме:

«Ты шутики не шути! Ты что—на смех нас поднимаешь!» (II, 311).

«Еще несколько раз сходился лицом к лицу с красными». (III, 75).

«Ставка жила лихорадочной жизнью». (II, 114).

Лексическая и грамматическая расчлененность таких словосочетаний почти невозможна. В них имеет место известная немотивированность общего их значения. По классификации акад. В. В. Виноградова их можно отнести к фразеологическим сращениям.

Следует отметить такие фразеологические сочетания, в которых один компонент является как бы опорным, а другой служит для усиления высказанной мысли и экспрессивности:

«Все вы, бабы, такие крученые, верченые: убьют — кричат, остался живой — кричат». (IV, 277).

«Дадим вам наилучших быков, а в подводчицы—молодую вдовую бабу... Есть тут у нас такая, что лучше и во сне не приснится!» (IV, 317).

Многие фразеологические обороты в силу своей сжатости, лаконичности и глубины содержания могут быть отнесены к афоризмам: «Сердцу не прикажешь» (IV, 58), «Молодое счастье всегда не зряче» (IV, 290), «Всех слез не вычерпашь» (IV, 137), «В сущности человеку надо немного, чтобы он был счастлив» (IV, 350).

Среди фразеологических сращений имеются такие обороты, которые представляют целостные группы, являющиеся терминами и выступающие в функции названий. Многие из них становятся не только неразрывными, но и вовсе не мотивированными единствами. Например: «люди голубой крови», «волчий паспорт», «дурная болезнь», «Большая Медведица», «Млечный путь» и другие.

К категории составных терминов близки фразовые характеристики: «халиф на час», «не человек, а дракон», «выползень змеиный», «ягодка-кислица», «это не Дарья, а распроцерт», «кулак, а не человек», «офицеры без солдат — ноль без палочки», «сын — истый орел», «мирные работнички» (бандиты) и т. п.

Интересно и такое явление, когда автор пользуется фразеологическими оборотами как средством для создания иронии, когда понимается не прямое, буквальное значение фразеологизмов, а совершенно противоположное. Автор в ироническом плане характеризует, например, английского полковника:

«А что большевиков победят—полковник был твердо убежден. Он был человеком трезвого ума, до войны долго жил в России и, разумеется, никак не мог верить, чтобы в полудикой стране восторжествовали утопические идеи коммунизма...» (IV, 102).

«Положение на северном фронте стало чревато такими осложнениями, что Краснов решил сам выехать в Каргинскую, чтобы оттуда непосредственно направить «карающую десницу» против Фомина». (III, 105).

Иронические оттенки встречаются в речи почти всех персонажей романа.

«Вы уедете, а мы должны оставаться? Хороши, нечего сказать! Ваше добро будем оберегать!» (III, 101).

«Нынче на коне верхом, а завтра в грязи Пахом».
(IV, 382).

«Вот кто ты такой, и власть твоя такая же!» (Там же).

Так смотрит народ на главаря бандитов—Фомина.

В борьбе народ нашел свое подлинное счастье, с презрением и негодованием простые люди встречают попытки выступить против Советской власти.

Таковы семантико-стилистические функции фразеологических оборотов в речи действующих лиц романа «Тихий Дон».

4. Приемы художественного обновления разговорной и просторечной фразеологии в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

«Язык неистощим в соединении слов и предложений».

(А. С. Пушкин).

Язык романа «Тихий Дон» замечателен также и тем, что автор очень часто прибегает к такому приему, как обновление фразеологических оборотов.

Фразеологическое новаторство состоит в обновлении общеизвестных, примелькавшихся слов и выражений, пословиц, поговорок, которые передаются от одного поколения к другому, а также в создании новых фразеологических оборотов, крылатых выражений, афоризмов, являющихся продуктом речетворчества писателя, носящих отпечаток его личности и своеобразия его языкового мастерства.

Академик В. В. Виноградов пишет, что «художественная литература не только сокровищница национального языка, но и творческая лаборатория, в которой открываются новые средства художественного использования народной речи». 1)

В процессе развития и совершенствования языка писателю, как мастеру слова, принадлежит, безусловно, значительная роль. В большинстве случаев писатель не изобретает новых оборотов речи, а придает старым выражениям новый блеск, силу, значимость и остроту, а также частицу своей индивидуальности в зависимости от своего восприятия действительности. Эту мысль поясняет проф. А. И. Ефимов следующим образом: «Фраза не является для художника слова какой-то застывшей неразложимой единицей. Он находит в ней множество еще не исчерпанных возможностей семантического и стилистического характера, поэтому в речетворческой практике писателя довольно обычны нарушение и обновление фразовых трафаретов». 2)

1) Академик В. В. Виноградов. Вступительное слово на Объединенной сессии института мировой литературы имени А. М. Горького и института русской литературы. «Литературная газета», № 56 от 19 мая 1951 года.

2) А. И. Ефимов. «Об изучении языка художественных произведений», М., Учпедгиз, 1954, стр. 89.

А. М. Горький говорил, что «народ наш в части языкового творчества — очень талантливый народ» 1). Это замечание А. М. Горького чрезвычайно ценно, так как оно основано на глубоком изучении русского языка. Он постоянно призывал писателей отбирать из речевого материала то, что талантливо, видя в этом основной смысл творческой работы над словом.

Необходимость обновления фразеологического материала вызывается тем, что, как говорил В. И. Ленин, «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга...» 2)

Особенно наглядно этот процесс движения человеческих понятий совершается в эпохи бурных социальных переворотов, находя отражение в литературном языке народа. В романе «Тихий Дон» как раз и изображается один из таких периодов.

Фразеологическое новаторство в романе «Тихий Дон» состоит в обновлении того речевого материала, который имеется в нашем языке. Оно никогда не бывает беспредметным, а, наоборот, всегда имеет конкретную, отчетливую мотивировку и глубокую целевую направленность.

Изменения в области фразеологизмов, производимые М. А. Шолоховым, говорят об огромной созидательной работе писателя над творческим использованием фразеологических запасов, имеющих в нашем языке. Писатель расширяет, углубляет, совершенствует их, а иногда и сокращает, сообразно своему художественному замыслу.

Приемы фразеологического обновления материала в романе «Тихий Дон» весьма разнообразны. Прежде всего следует отметить замену отдельных фразеологических компонентов с целью подчеркнуть особую значимость какого-либо из них, усилить впечатление путем этой замены или придать тому или иному обороту местную окраску, а иногда и иронический оттенок.

«Надо как можно скорее уезжать от греха подальше, а ты вон какую чертовщину порешь!» (IV, 239).

Обычный компонент этого оборота «чепуха», «ерунда» заменяется словом «чертовщина». Автор придает этим оттенком особой экспрессивности, сгущает краски, заостряет на нем внимание читателя и отчасти показывает свое отношение к происходящим событиям и лицам, которым принадлежат эти слова. Замена компонентов фразеологических оборотов производится иногда с целью углубить ту идею, которую этот фразеологизм должен выражать.

«Я за генерала Корнилова готов и свою и чужую кровь цедить! Только он в состоянии поставить Россию на ноги». (II, 93).

1) А. М. Горький. Литературно-критические статьи. Госполитиздат, М., 1937, стр. 670.

2) В. И. Ленин. Философские тетради. ОГИЗ, 1947, стр. 237.

В этом примере глагол «цедить» сознательно поставлен автором вместо обычного компонента «проливать». Этой заменой М. А. Шолохов подчеркивает исключительную преданность царскому самодержавию и его ярому защитнику генералу Корнилову некоторых белых офицеров, готовых идти на любые жертвы во имя восстановления монархии, или, как здесь говорится, «цедить свою кровь».

«Я перевидел немало людей. Предатели. Но ты не бойся, тебя не тронут. Слово — олово». (III, 135).

Здесь имеется обновление старого выражения: слово — серебро, а молчание — золото, но смысл этого выражения несколько расширяется.

«У нас ведь семерых прислонили к стенке, слышал?» (III, 166). (Поставили к стенке).

«Я тебе такое сердце пропишу, что и волос с головы не соберешь!» (IV, 58). (Прописать ижицу).

В ряде случаев автор заменяет не самое слово, а только его грамматическую форму, например, вместо инфинитива ставит деепричастие, совершенный вид заменяет несовершенным.

«Она отлично понимала, что все это служит только предлогом поговорить о Григории, отвести душу». (IV, 281).

«Молодые казаки, оторванные от работы, томилась первое время, отводя душу в разговорах, перепавших в свободные часы». (I, 219).

«Пантелей Прокофьевич бешено сверкнул на нее глазами и, не сбавляя голоса, продолжал отводить душу». (IV, 58).

Замена фразеологических компонентов наблюдается и в пословицах и в поговорках, например: «Жена не медведь, в лес не уйдет» (Дело не медведь — в лес не убежит).

Вторым приемом обновления фразеологических единиц является разъединение и распространение фразеологизмов какими-либо вставочными словами:

«Не наведут нам решку красные товарищи?» (IV, 259).

«Москва — она слезам не дюже верит». (III, 348).

«Они так за эту проклятую войну руки на воровстве набили, что я ужасался, ужасался, да и перестал». (IV, 191).

«Глаза нам колет его служба в большевиках!» (II, 310).

Разъединение фразеологизмов и распространение их другими словами производится писателем не только в фразеологических единствах, но даже в фразеологических сращениях, например:

«На тебе свет клином пока не сошелся». (III, 374).

«Со слов мужа она все знала о Григории, но, хотя язык у нее и чесался, рассказывать побоялась, памятуя прохорова наставление». (IV, 132).

Третьим приемом художественного обновления фразеологизмов является применение разнообразных суффиксов, придающих исключительную экспрессивность фразеологическим оборотам:

«Вашиими руками они и хотят каштанчики из огня таскать». (III, 87).

«Будет из нас дурачков валять! Не поедим дальше!» (II, 126).

Четвертым приемом обновления фразеологических оборотов является извлечение какого-либо компонента из фразеологического оборота. Этот прием содействует большей выразительности, сжатости и динамичности действия, которые отражаются в данном обороте речи:

«Чего там ляссы точить! Идем в штаб — и безо всяких!» (II, 166).

«Чумаков! в расход его». (IV, 374).

«Расстались с Елизаветой, как и полагается культурным людям, корректно. Без всяких и без некоторых». (I, 280).

Извлечение какого-либо компонента из фразеологической единицы делается автором с целью придать выражению большую экспрессивность, показать, что остальная часть этого выражения понятна сама собой, и выражение без нее выигрывает. Этот прием применяется и для индивидуализации речи персонажей.

Контрастность выражений из самых разнообразных стилистических пластов и источников также дает очень эффективные результаты. М. А. Шолохов зарекомендовал себя большим знатоком и ценителем народной фразеологии, он подметил ее гибкость и свойство прилаживаться к любому контексту, «слово не мед, а ко всему льнет», — говорит русская пословица.

«Я не за Керенского, чёрт ему брат! Все они, буржуазские прихвостни, одним миром мазаны!» (II, 139). В этом предложении мы видим и бранную фразеологию и просторечно-шутливую, проникнутую иронией.

«Революция на носу, а тут изволь издыхать от этой глупой и сентиментальнейшей болезни». (II, 65).

Обновление фразеологических единиц достигается автором путем перефразирования. Из стремления писателя спаять каждое слово с темой и идеей, слить содержание и форму произведения, вытекает такой художественный прием, как перефразирование. Перефразированию подвергаются не только фразеологические обороты, но пословицы и поговорки, афоризмы и даже целые цитаты из произведений. Оно производится или путем перемещения компонентов, или путем частичного изменения словарного состава, или путем включения в фразеологические единицы новых слов. Эти случаи перефразирования в обилии встречаются в романе «Тихий Дон».

«Расходись по квартирам, да языками поменьше орудуйте, а то по нынешним временам они не до Киева доводят, а в аккурат до полевых судов да до штрафных рот». (IV, 130). (Перефразируется пословица: Язык до Киева доведет).

«Краснов-то?.. Человек, который хочет, так сказать, и национальный капитал приобрести, и демократическую невинность сохранить». (III, 11). 1)

Автор «Тихого Дона» дополняет выражение «капитал приобрести и невинность соблюсти» словами «национальный» и «демократическую».

Имеются примеры обновленных фразеологических оборотов, содержащих в себе антитезы: «голубая кровь», «холопская кровь».

«Какие все вы сейчас довольные, радостные, счастливые,—все: и купцы, и биржевые маклеры, и чиновники разных рангов, и помещики, и люди голубой крови». (II, 90).

«Только люди, в жилах которых течет холопская кровь, могут унизиться до такой грязной сплетни». (I, 298).

Приведенные фразеологические единицы, уже обновленные, подтверждают положение акад. В. В. Виноградова, что «идиома есть не только продукт окаменения и изоляции, но способ и источник рождения новых слов».

Отдельные лексические изменения ведут не к разрушению фразеологических единиц, а, наоборот, к оживлению их семантики. Это помогает автору в ослаблении шаблона и усиливает эмоциональность речи. Автор исследуемого романа не только отбирает яркие жизненные средства, но развивает и совершенствует их, показывая, что фразеология русского языка исключительно богата возможностями художественно-образительного употребления.

Своеобразие словесного материала в обновлении фразеологизмов заключается в необычайной политической заостренности фразеологических единиц, в широком охвате разнообразных стилей русского языка, в насыщенности текста огромным количеством этих единиц и в спаянности речевого комплекса.

Новаторские приемы в творчестве М. А. Шолохова в области художественного языка состоят в умении писателя переплавлять слова и выражения сообразно своему художественному замыслу, раскрывая в них героичку борьбы за социализм. Различные фразеологические обороты, обновленные и модернизированные автором, являются бесспорным его достижением.

*
*

Исследование разговорной и просторечной фразеологии романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» (фразеологических сращений, фразеологических единств и фразеологических сочетаний) приводит к следующим выводам:

1) Это выражение «капитал приобрести и невинность соблюсти» популяризируется писателем М. Е. Салтыковым-Щедриным и употребляется в произведениях «Убежище Монрепо», «Дети Москвы», а также у В. И. Ленина в статье «Случайные заметки» (том IV, стр. 377, изд. 4-е).

Разговорная и просторечная фразеология занимает в романе ведущее место по сравнению с другими видами фразеологии, т. е. литературно-книжной, народно-поэтической, старославянской, иноязычной и т. п. Из общего количества рассмотренных фразеологических оборотов на разговорную и просторечную фразеологию падает около восьмисот оборотов, остальные же, не свыше двухсот, относятся к другим видам фразеологии.

Разговорная и просторечная фразеология, употребляемая автором и всеми персонажами романа, служит для раскрытия их политических убеждений, переживаний и морального облика его героев, многие фразеологические обороты являются яркой речевой характеристикой персонажей. Отличительной их чертой является живость, непринужденность, меткость и умение автора найти самое характерное в человеке. Широкое привлечение разговорной фразеологии служит доказательством творческого роста писателя.

В романе поражает обилие фразеологизмов самого разнообразного характера. Во многих предложениях имеется по несколько фразеологических оборотов. Это количество растет по мере совершенствования языка писателя; наибольшее количество фразеологических оборотов заключено в последнем томе романа.

Фразеология романа «Тихий Дон» помогает молодым писателям в освоении богатств народной речи. В истории развития и совершенствования нашего литературного языка М. А. Шолохову принадлежит почетное место.

Как показывает фразеология романа «Тихий Дон», М. А. Шолохов творчески воплотил указания А. М. Горького о необходимости учиться у великих классиков художественной литературы, не боясь, что кто-нибудь из них «схватит его за ногу и утащит с собою в могилу».

М. И. Калинин в романе «Тихий Дон» видел «образец талантивого использования мастерства великих русских классиков». 1)

А. В. Луначарский по поводу художественного мастерства, отличающего язык «Тихого Дона», писал: «Очень большое, сложное, полное противоречий и рвущееся вперед содержание одето в прекрасную словесную и образную форму, которая нигде не отстает от этого содержания, нигде не урезывает, не обедняет его и которой вовсе не приходится заслонять собою какие-нибудь дыры и пробелы в этом содержании». 2)

1) М. И. Калинин. «О литературе». Ленгосиздат, 1949, стр. 34.

2) А. В. Луначарский. «Мысли о мастерстве», «Литературная газета» № 27 за 1933 год.